

Сметанина Татьяна Александровна, Ключев Артем Андреевич

МЕТАФИЗИКА ЭСКАПИЗМА: ПОИСК УСКОЛЬЗАЮЩЕГО СМЫСЛА

В статье исследуется эволюция понятия "эскапизм". Выявляются различные подходы к пониманию его смыслового ядра и основания, предлагаемые для классификации. Подчеркивается многообразие форм эскапистского поведения, включающих не только бегство, но и социальную адаптацию. Акцентируется философское понимание эскапизма как способности к созданию мира идей и символов, лежащей в основе всей человеческой культуры. Подчеркивается связь эскапистского сознания с самой природой творчества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/1/47.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 1(75) С. 183-185. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

CONFESSIONAL FACTOR IN ETHNIC IDENTITY OF THE RUSSIAN POPULATION OF NORTH OSSETIA

Sinanov Boris Andreevich, Ph. D. in History

V. I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanities and Social Studies (Branch)
of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
boris-sinanov@yandex.ru

Purpose of this article is to analyze meaning of the confessional factor in ethnic identity of the Russian population of North Ossetia at the present stage. It is noted that even with low religious consciousness of the majority of the contemporary Russian and Cossack population of the Republic of North Ossetia-Alania Orthodoxy continues to be one of the basic foundations of self-identity, and the Church remains an important symbol of connection with the all-Russian space.

Key words and phrases: North Ossetia; the Russian people; ethnic identity; confessional factor; Orthodoxy.

УДК 130.2

Философские науки

В статье исследуется эволюция понятия «эскапизм». Выявляются различные подходы к пониманию его смыслового ядра и основания, предлагаемые для классификации. Подчеркивается многообразие форм эскапистского поведения, включающих не только бегство, но и социальную адаптацию. Акцентируется философское понимание эскапизма как способности к созданию мира идей и символов, лежащей в основе всей человеческой культуры. Подчеркивается связь эскапистского сознания с самой природой творчества.

Ключевые слова и фразы: эскапизм; эскапистское сознание; действительность; творчество; адаптация; девиация; норма; субкультура.

Сметанина Татьяна Александровна, к. филос. н., доцент

Клюев Артем Андреевич

Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина
TanSmetan@yandex.ru; Artemklyuev1@gmail.com

МЕТАФИЗИКА ЭСКАПИЗМА: ПОИСК УСКОЛЬЗАЮЩЕГО СМЫСЛА

Проблема эскапизма сегодня становится одной из чрезвычайно актуальных тем научных дискуссий. Причины столь пристального интереса связаны как с многообразием современных социокультурных феноменов, которые принято относить к проявлению эскапизма, так и с размытостью, многозначностью самого понятия. Этот термин активно используют психологи и педагоги, социологи и культурологи, философы, филологи, журналисты и популярные медиафигуры. Разные дисциплинарные подходы, позволяющие осветить отдельные грани данного феномена, не проясняют общую картину. Исследователи вынуждены констатировать, что представления об эскапизме не зафиксированы в строгом научном понятии, а его границы определены весьма нечетко: «Самым распространенным толкованием эскапизма является его понимание как инструментальной стратегии социального поведения, служащей “бегству от действительности” в “мир воображения”... вытесняющие и компенсирующие агрессию и негативизм физического и социального мира» [5, с. 141].

Теоретическое осмысление эскапизма до сих пор остается проблематичным. В заявлении, что этот феномен «практически не изучался философией», возможно, есть доля преувеличения [8, с. 96]. Но следует признать, что философия и культурология, действительно, лишь недавно приступили к активной разработке данной проблематики. Поэтому так важно проследить эволюцию смысла понятия «эскапизм», попытаться выявить круг сопряженных с ним тем, проанализировать различные подходы к его трактовке.

Весьма показательно, что именно трагедийный XX век открывает дорогу массовому распространению термина *escape* в контексте «бегства от реальности» и попыткам осмысления данного феномена. Роберт Б. Хайлман особо выделяет 1930-е годы XX века [12, р. 440]. Действительно, уже в 1939 году термин «эскапизм» включается в *Webster's New International Dictionary* и в последующие 20 лет регулярно встречается и используется в критических статьях и обзорах, в большинстве случаев неся на себе негативный отпечаток и часто пересекаясь с таким понятием, как «литература бегства» (*escape literature*). Так формируется парадигма восприятия данного феномена, детерминированная установками на «подлинный активный реализм». С 1960-х годов за термином эскапизм закрепляется определение: «обыденное отвлечение разума в сторону воображаемой или развлекательной деятельности в качестве бегства от реальности или рутины» [14]. В русском же языке данный феномен наиболее близко, на наш взгляд, можно представить через понятие «отдушина». Таким образом, в течение XX века формируется отношение к феномену эскапизма как к чему-то, что связано с бегством, страхом, избеганием, зачастую носящим патологический или девиантный характер, пассивностью и бездеятельностью.

Однако четкого и общепринятого определения эскапизма как научного термина до сих пор не сформулировано. Чаще оно заменяется указанием на некие механизмы, лежащие в основе функционирования человеческой психики. В таких неотрефлексированных определениях практически всегда можно встретить слово-антагонист для эскапизма – действительность. На эту дихотомию очень точно указывает Е. О. Труфанова: «Первая проблема, которая возникает при исследовании эскапизма, это заранее присутствующее негативное отношение к данному явлению. Это отношение продиктовано противопоставлением “настоящего”, “реального”, “материального”,

“обыденного” мира, в котором живет человек, миру фантазий и грез, в который он “убегает”. Автоматически мы оцениваем “настоящее” как “хорошее” и “ненастоящее” как “плохое» [8, с. 97].

Своей негативной окраской эскапизм в значительной степени обязан психологической интерпретации явления, склонной к локализации его в сфере психического, а именно – отклоняющихся состояний. При исследовании патологических ситуаций, в характеристике которых присутствует элемент эскапизма, создается семантическое поле, включающее в себя определенные понятия-триггеры болезненности. И. А. Федоров и М. М. Поздняков, например, трактуют эскапизм как наиболее мощное проявление психологического механизма бегства от реальности, употребляют термин «перфекционный эскапизм». Перфекционизм, как побуждающий мотив, в конечном счете коррелируется с эскапизмом и абсентеизмом, что способствует рассмотрению эскапизма в контексте патологии [9, с. 26]. Эту позицию разделяет и Р. А. Захаркин, используя термин «эскапизм» в связке с абсентеизмом и фактически сближая эти понятия [1, с. 113]. Стоит отметить, что такая позиция характерна не только для отечественных, но и зарубежных исследователей. Так, Эванс [11] и Холлэндер [13] рассматривают эскапизм в рамках отклонения от нормы, то есть как определенную девиацию в поведении человека. У Эванса это связано со спецификой восприятия человеком медиа и виртуальной реальности, а у Холлэндера – с политической деятельностью и скептической фрустрацией, формирующей эскапистское поведение в результате неудовлетворения от этой деятельности.

Чрезвычайно широкий спектр социокультурных феноменов, относимых сегодня к проявлению эскапизма, не позволяет все их рассматривать в контексте строгой дихотомии патологии и нормы. Возникают более гибкие варианты психологической классификации эскапизма. Примером может служить деление по интенсивности или глубине проявления на мягкий и жесткий эскапизм. Так, мягкий вариант «предполагает любую деятельность, ведущую к отходу от предписанной социальной активности, например чтение книг, просмотр фильмов, путешествия, занятия творчеством», тогда как «жесткий эскапизм проявляется в полном уходе личности в “другой мир”... речь идет не только об изменении окружения, но и о трансформации собственной психики, о бегстве от своего собственного Я» [8, с. 99]. Поскольку чаще всего эскапизм рассматривают в социально-психологическом контексте, выделяют его активные и пассивные, а в пространственно-временном измерении – внутренние и внешние формы.

Другой подход в осмыслении данного феномена предполагает рассмотрение эскапизма уже как всеобщего механизма реакции человека на конфликт с внешним миром. В данном случае используются такие понятия, как инструментальный эскапизм и экзистенциальный эскапизм. Инструментальный эскапизм понимается как «способ бегства от повседневности в альтернативную реальность», он «выступает в качестве средства адаптации индивида в постиндустриальном обществе через освобождение от довлеющей власти рутинных практик» [4, с. 102]. Важно отметить намечающийся отход исследователей от однозначно негативной трактовки этого механизма социального поведения и допущение различных типов эскапизма – защитного и адаптивного либо непродуктивного и продуктивного [2]. Многочисленные современные субкультурные и религиозные практики демонстрируют нам широкий спектр таких поведенческих моделей.

Во многом именно их изучение стимулировало обращение к проблематике эскапизма исследователей религиозоведческого, социологического, культурологического направления. В соответствии со своей спецификой они рассматривают данное социальное явление в контексте понятий «мировоззрение», «стиль жизни». Отсюда вытекает подразделение на религиозный и субкультурный эскапизм [Там же]. Используется также понятие «социальный эскапизм», который исследователи связывают с различными формами неприятия социальной системы – от туризма и экстремальных видов спорта до дауншифтинга [10, с. 87]. По сути, эти стратегии эскапистского поведения рассматриваются как варианты специфического адаптивного поведения.

Экзистенциальный же эскапизм трактуется как «осознанный отказ от встречи с Другим, от Другого как такового» [3, с. 308]. Этот феномен также отражает специфику современного общества, переживающего ослабление и распад социальных связей, нарастание социальной анонимии. «Современный экзистенциальный эскапизм разрывает с любыми социальными идентичностями и идентичностью с собой, отвергая саму возможность искать Другого ради безграничного утверждения собственной автономии, не нуждающейся в Другом» [Там же, с. 309].

Тем не менее при идентификации той или иной практической деятельности как эскапистской часто возникает путаница. Так, одна и та же деятельность может быть названа проявлением как инструментального, так и экзистенциального эскапизма: «В современном обществе можно выделить несколько примеров экзистенциального эскапизма: компьютерные игры... создание произведений искусства... маскарадные вечеринки и переодевание в одежду сказочных героев; избыточный сон, когда человек пытается в сновидениях реализовать свои планы, оттолкнуть реальность» [6, с. 147]. Все это может служить примером и инструментального эскапизма. Очевидно, что возникает соблазн определения «на глазок», к какому типу отнести ту или иную конкретную практику.

Наиболее широкое и собственно философское понимание эскапизма, на наш взгляд, дает Е. О. Труфанова: «Можно даже рискнуть сделать более смелое заявление: способность и тяга к эскапизму – это существенная черта человеческого бытия, одна из тех черт, которые проводят раздел между человеком и другими живыми существами... И в связи с этой особенностью человеческой психики имеет смысл говорить об эскапистском сознании как особой составляющей сознания человека, которое делает возможным этот выход за пределы объективной реальности» [7, с. 607]. С этой точки зрения, выход за рамки бытия здесь-и-сейчас, способность к созданию мира идей, символов и образов, лежащая в основе искусства, науки, всей человеческой культуры, и есть отражение эскапистского сознания. Оно оказывается неразрывно связанным с самой природой творчества. Таким образом, тема эскапизма выходит за рамки социально-психологической проблематики к фундаментальным вопросам философии культуры и философской антропологии.

Список литературы

1. Захаркин Р. А. Молодежный абсентеизм в России // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 4. С. 111-114.
2. Кутузова Д. А. Эскапизм как форма самоопределения в подростковом и юношеском возрасте [Электронный ресурс] // Ломоносов – 2012: материалы VIII Международной конференции студентов. URL: <http://www.centri-obrazovaniya.ru/kutuzova.html> (дата обращения: 15.12.2016).
3. Литинская Д. Г. Типы современного эскапизма и феномен экзистенциального эскапизма // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 1. Т. I. Гуманитарные науки. С. 308-311.
4. Медведев Б. П. Практики инструментального эскапизма как средство адаптации к трудностям в процессе школьного обучения // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2014. № 42. С. 100-105.
5. Меньшикова Е. Е. Идеологемы эскапизма в рекламном туристическом нарративе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. I. С. 140-142.
6. Тарасова О. В., Яцевич О. Е. Экзистенциальные модели деятельности человека // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 145-148.
7. Труфанова Е. О. Эскапизм: бегство в поисках смысла // Психология и психотехника. 2014. № 6. С. 597-608.
8. Труфанова Е. О. Эскапизм и эскапистское сознание: к определению понятий // Философия и культура. 2012. № 3. С. 96-107.
9. Федоров И. А., Поздняков М. М. О субкультуре молодежного «перфекционного эскапизма» // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 7 (135). С. 25-29.
10. Шапинская Е. Н. Путешествие на Восток как бегство от повседневности: феномен туристического эскапизма // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 4 (5). Культурная география. С. 86-94.
11. Evans A. This Virtual Life: Escapism and Simulation in Our Media World. L.: Fusion Press UK, 2001. 228 p.
12. Heilman R. B. Escape and Escapism Varieties of Literary Experience // The Sewanee Review. 1975. Vol. 83. № 3. P. 439-458.
13. Hollander P. The Survival of the Adversary Culture: Social Criticism and Political Escapism in American Society. New Brunswick, 1991. 256 p.
14. Merriam-Webster: Dictionary and Thesaurus [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/escapism> (дата обращения: 15.12.2016).

METAPHYSICS OF ESCAPISM: SEARCH FOR ELUSIVE MEANING

Smetanina Tat'yana Aleksandrovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor

Klyuev Artem Andreevich

Minin University

TanSmetan@yandex.ru; Artemklyuev1@gmail.com

The article examines evolution of the concept “escapism”. The authors identify different approaches to understanding of its meaningful core and classification bases. The paper emphasizes variety of the forms of escapist behaviour including not only escape but also social adaptation. Attention is drawn to philosophical understanding of escapism as an ability to create the world of ideas and symbols that underlies the whole human culture. The article highlights connection of escapist consciousness with creativity nature.

Key words and phrases: escapism; escapist consciousness; reality; creativity; adaptation; deviation; norm; subculture.

УДК 130.2

Философские науки

В статье анализируются понятия «культура» и «псевдокультура» на материале данных социологического исследования о культурных предпочтениях жителей Нижнего Новгорода. Смысловое наполнение провинциальности актуализировано общим состоянием российского социума и самоощущением провинциального жителя, все больше отдаляющегося от традиционной культуры в сторону псевдокультуры. В этой связи рассматриваются понятия: массовая и провинциальная культура, европеизованная и самобытная культура, активное и пассивное потребление культуры, а также выделяются особенности культуры русской провинции.

Ключевые слова и фразы: культура; псевдокультура; культура провинции; культурный контекст; массовая культура; ценностные ориентиры; культурные потребности.

Сметанина Татьяна Александровна, к. филос. н., доцент

Шмелева Наталья Владимировна, к. филол. н.

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина

TanSmetan@yandex.ru; shmelevanv@mail.ru

КУЛЬТУРА И ПСЕВДОКУЛЬТУРА ПРОВИНЦИИ В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН

Публикация подготовлена в рамках поддержанного совместным конкурсом РГНФ и Нижегородской области научного проекта № 14-13-52002.

Противопоставление культуры и псевдокультуры широко используется в современной публицистической литературе. В научном же дискурсе принято избегать столь эмоциональных оценочных суждений. Однако многообразие дефиниций понятия «культура», сосуществующих в гуманитарном знании, оставляет открытой проблему границ культурного пространства, его структуры.